

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное автономное образовательное
учреждение высшего образования
«Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова»

В.С. Варакин

**ИСТОРИЯ ЖУРНАЛИСТИКИ В РОССИИ:
ОТ ИВАНА IV ДО ЕКАТЕРИНЫ II
(середина 1770-х годов)**

Учебное пособие

Архангельск
2020

УДК 070.1+930.85

ББК 63.3(2)

Рецензенты:

А.Л. Семенова, д-р филол. наук, доцент, профессор кафедры журналистики Гуманитарного института ФГБОУ ВО «Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого»

Р.П. Баканов, канд. филол. наук, доцент, доцент кафедры национальных и глобальных медиа Высшей школы журналистики и медиакоммуникаций Института социально-философских наук и массовых коммуникаций ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет»

Е.Е. Шурупова, канд. ист. наук, доцент кафедры отечественной истории Высшей школы социально-гуманитарных наук и международной коммуникации ФГАОУ ВО «Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова»

Варакин, В.С.

История журналистики в России: от Ивана IV до Екатерины II (середина 1770-х годов) [Электронный ресурс]: учеб. пособие / В.С. Варакин; Сев. (Арктич.) федер. ун-т им. М.В. Ломоносова. Электронные текстовые данные. – Архангельск: САФУ, 2020. – 164 с.

ISBN 978-5-261-01495-9

В учебном пособии раскрывается история журналистики и ее различных коммуникационных средств (от устной речи до периодической печати) в России с эпохи царствования Ивана IV (середина XVI века) до эпохи правления Екатерины II (середина 1770-х годов). Автор реконструирует прошлое российской модели журналистики, рассматривая последнюю как социально-герменевтическую и дескриптивную систему, вырастающую из особого типа социальной технокультурной деятельности и институционально закрепляемой кооперации специфических деятельностных позиций.

Предназначена для студентов, обучающихся по программам академического и прикладного бакалавриата по направлению подготовки 42.03.02 Журналистика.

В авторской редакции.

Издательский дом им. В.Н. Булатова САФУ
163060, г. Архангельск, ул. Урицкого, д. 56

ISBN 978-5-261-01495-9

© Варакин В.С., 2020

© Северный. (Арктический.) федеральный
университет им. М.В. Ломоносова, 2020

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение.....	4
Глава 1. Становление журналистики в России: проблема точки отсчета.....	15
Глава 2. Социокультурное пространство, средства коммуникации и журналистская практика в России в XVI–XVII веках.....	22
Глава 3. Трансформация социокультурного пространства России в первой четверти XVIII века и журналистика.....	37
Глава 4. Научоцентрическая журналистика и система ее печатных платформ в России в конце 1720-х–начале 1760-х годов.....	60
Глава 5. Нравоцентрическая литературная журналистика и система ее печатных платформ в конце 1750-х–середине 1770-х годов.....	91
Рекомендуемые источники.....	155
Рекомендуемые для чтения тексты, датируемые XVIII веком.....	162

ВВЕДЕНИЕ

Николай Михайлович Карамзин (1766–1826) открывает свою «Записку о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях» (она датируется мартом 1811 года) таким высказыванием:

«Настоящее бывает следствием прошедшего. Чтобы судить о первом, надлежит вспомнить последнее; одно другим, так сказать, дополняется и в связи представляется мыслям яснее»¹.

Эту взаимодополняющую связь прошлого и настоящего Н.М. Карамзин понимал не только как *историк* и, что, впрочем, здесь не очень важно, придворный историограф. (Звание историографа ему присвоил в октябре 1803 года именным указом российский император Александр I, а в январе 1804-го Карамзин получил официальную должность). Характер движения того, что более чем через сто лет в термодинамике назовут стрелой времени, Карамзин понимал и как литератор и, самое главное, как *журналист*. При этом следует заметить: журналистом он стал гораздо раньше, нежели историком: в 1787 году. Иначе говоря, прежде чем профессионально заняться познанием прошлого, он на протяжении 16 лет занимался изучением настоящего. Однако, став историком, Карамзин перестал быть журналистом. Вернее, *пожелал* перестать. И доживи Николай Михайлович до 1840 года, ему наверняка посочувствовал бы журналист Виссарион Григорьевич Белинский (1811–1848). Точно так же, как посочувствовал своему другу журналисту Василию Петровичу Боткину (1812–1869) в письме от 19 февраля:

«Литература имеет великое значение: это гувернантка общества. Журналистика в наше время все: и Пушкин, и Гете, и сам Гегель были журналисты...»²

Согласно российскому историку Ю.П. Зарецкому, *прошлое* представляется как *«расположенные на временной оси события, которые уже произошли, т.е. нечто, что было когда-то, чего нет сейчас и чего никогда больше не будет»³*. (К слову, в классической физике временная ось есть то же самое, что и стрела времени в термодинамике: прямая, где две любые несовпадающие точки являются относительно друг друга прошлым и будущим. А настоящего, если, правда, апеллировать не к ученому-физику, а к поэту и

¹ Карамзин Н.М. Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях // Просвещенный консерватизм: Российские мыслители о путях развития Российской цивилизации: политическая антология / авт.-сост. Д.Н. Бакун. М., 2012. С. 153.

² Белинский В.Г. 61. В.П. Боткину. 18–20 февраля 1840. Петербург // Белинский В.Г. Собр. соч.: в 9 т. Т. 9. Письма 1829–1848 годов / ред. тома В.И. Кулешов; сост. М.Я. Поляков; подгот. текста В.Э. Бограда; примеч. К.П. Богаевской и А.Л. Осповата. М., 1982. С. 316.

³ Зарецкий Ю.П. Стратегии понимания прошлого: Теория, история, историография. М., 2011. С. 84.

журналисту Саше Черному (1880–1932), – нет⁴). Прошлое – составной элемент известной триады, которая закреплена в сознании европейцев и европейских языках и «с помощью которой люди структурируют время»⁵. А еще это **первое значение** слова «история».

Общеизвестно, что *наука, изучающая прошлое*, тоже называется историей: таково **третье – и главное – значение** слова «история». **Вторым же** является следующее: *рассказ о каком-либо событии или некотором множестве событий*⁶. Эти значения, как замечает Ю.П. Зарецкий, тесно связаны. Во-первых, историкам прошлое доступно главным образом благодаря оставленным современниками и сохранившимся *рассказам* о нем. Во-вторых, результаты исследований, проводимых историками, тоже выступают как *рассказы*. Следовательно, «*наши научные знания о прошлом по преимуществу представляют собой описания последовательностей событий (нарративов), составленные на основе других описаний*»⁷. Впрочем, это, по выражению французского философа Р. Дебрэ, «не превращает историю в чисто описательную науку, запрещающую мыслить, а также неспособную моделировать саму себя»⁸.

Итак, рассматривая **историю как прошлое**, можно вслед за американским историком науки Дж. Гликом признать, что она, хотя и в длительной перспективе, есть «*история информации, познающей саму себя*»⁹. Тогда, стало быть, **история как выстроенный ученым-историком нарратив** оказывается *информацией об этом процессе самодвижения и самопознания информации*. И здесь подчеркнем, что понятие «информация» не стоит редуцировать до сведений о чем-то, которыми обмениваются люди, т.е. до социальной информации. Хотя такое, «общежитейское», понимание информации, поддерживаемое, кстати, социоцентрическим подходом к ней в научной среде, совсем не противоречит более общему определению, артикулируемому атрибутивной концепцией. Его предложили российский философ А.Д. Урсул и представитель математической физики И.М. Гуревич: **информация** – это *отраженное и устойчивое определенное время разнообразие (неоднородность)*¹⁰. Не вдаваясь в детали атрибутивного подхода, укажем лишь на то, что производят информацию и обмениваются ею не одни только люди, но

⁴ Саша Черный. Театр [Электронный ресурс]. URL: <http://www.goldpoetry.ru/cherniy/index.php?p=587>.

⁵ Зарецкий Ю.П. Стратегии понимания прошлого... С. 83.

⁶ Там же. С. 83, 85.

⁷ Там же. С. 84.

⁸ Дебрэ Р. Введение в медиологию / пер. с фр. Б.М. Скуратова. М., 2010. С. 247.

⁹ Глик Дж. Информация. История. Теория. Поток / пер. с англ. М. Кононенко. М., 2016. С. 20.

¹⁰ См.: Гуревич И.М., Урсул А.Д. Информация – всеобщее свойство материи: Характеристики, оценки, ограничения, следствия. Изд. 2-е. М., 2013. С. 8–16, 86, 288–291.

и любые объекты живой и даже неживой природы. Тем самым и они поддерживают в мире разнообразие, или, иначе говоря, *упорядочивают* мир. В общем, **информация** – это еще и *физический* порядок¹¹, вычлененный из беспорядка¹². «Из хаоса вещей нестройных, / Воззвав порядок с тишиной...» – так поэт, философ и журналист Иван Петрович Пнин (1773–1805) характеризует информационное производство, осуществляемое человеком¹³. Но, повторим, только ли с человеком оно сопряжено?

В данном учебном пособии рассматривается история (прошрое) такого социального явления, как журналистика, а точнее – генезис *российской модели* журналистики. Выбранные нами для построения нарратива конечные координаты такого генезиса более понятны – середина 1770-х годов: в государственно-политической сфере это первая треть правления Екатерины II, ограниченная Пугачевским бунтом и отмеченная общесоциальным переходом от нравоцентрической журналистской практики (ключевой для императрицы) к энциклопедической (ключевой для общественности). Начальные же координаты, на наш взгляд, далеко не так очевидны. И главная проблема состоит в том, *как* российские ученые определяют «предмет», историей которого они занимаются.

Реконструируя развитие (прошрое) *журналистики*, исследователи на самом деле говорят о развитии (прошлом) *средств массовой коммуникации*, и прежде всего *периодической печати* (созданная Петром I печатная газета под закрепившимся в историографии названием «Ведомости»; издававшаяся Петербургской Академией наук газета «*Sankt-Petersburgische Zeitung*»; выпускавшийся А.П. Сумароковым журнал «Трудолюбивая пчела» и т.д.). Вот каким характерным пассажем открывается, допустим, учебник под редакцией профессора Л.П. Громовой:

*«Русская журналистика прошла в своем развитии три столетия. Зародившись как явление политической жизни в виде правительственных “Ведомостей”, на протяжении всего XVIII и первой половины XIX в. она являлась частью литературного процесса, выполняя в обществе информационную, просветительскую, воспитательную и политическую роль»*¹⁴ (подчеркнуто нами).

А вот фрагменты из введения к более раннему учебнику, подготовленному под редакцией профессора А.В. Западова:

¹¹ *Идальго С.* Как информация управляет миром [и определяет историю нашей Вселенной и живущих в ней видов] / пер. с англ. М.А. Райтман. М., 2016. С. 14.

¹² См.: *Глик Дж.* Информация. История. Теория. Поток. С. 266.

¹³ *Пнин И.* Человек // Лазурный луч: Русская фантастическая поэзия XVIII–XX вв. / ред.-сост. М. Латышев. М., 1996. С. 28.

¹⁴ История русской журналистики XVIII–XIX веков: учебник / Л.П. Громова, М.М. Ковалева, А.И. Станько, Ю.В. Стенник и др.; под ред. Л.П. Громовой. 2-е изд., испр. и доп. СПб., 2005. С. 3.

«История русской журналистики как предмет научного исследования и учебная дисциплина изучает русскую периодическую печать со времени ее возникновения в начале XVIII столетия до половины девяностых годов XIX в. <...>»; «В курсе истории русской журналистики рассматриваются закономерности и факты развития периодической печати <...>»¹⁵ (подчеркнуто нами).

В общем, в работах российских историков близкие, но все же разные явления – журналистика и средства массовой коммуникации – отождествляются, а категории, их обозначающие, используются в качестве синонимических и даже взаимозаменяемых. Притом что журналистика выступает «программной областью» (термин немецкого социолога Н. Лумана¹⁶) средств массовой коммуникации: отнюдь не единственным их агентом, технокультурной практикой и символическим продуктом. Другими «программными областями» являются, например, реклама, связи с общественностью, развлечение, наука, искусство, политика, спорт. Поэтому тезис профессора Б.И. Есина «Журналистика – индустрия информации»¹⁷ представляется некорректным, поскольку: а) реклама и развлечение – тоже индустрии, к тому же по силе воздействия на публику превосходящие журналистику; б) они превосходят и трактуемые как «журналистика» средства массовой коммуникации ввиду того, что действуют в т.ч. за пределами последних; в) речь, само собой, идет об индустриях социальной информации, а не, допустим, геохимической или цитоплазматической.

Смещение указанных базовых понятий дает о себе знать и в том случае, когда исследователи переключаются на характеристику становления журналистики как особой деятельности, опосредованной определенными технологиями (дипломатическая деятельность Д.А. Францбекова и Ю. Филимонатуса, публицистическая деятельность Ф.А. Эммина и Д.И. Фонвизина, издательская деятельность Н.И. Новикова и Д.В. Корнильева). Или когда исследователи начинают описывать какой-либо этап в развитии журналистики как совокупности особых текстов, которые затребуют определенных носителей и каналов распространения (журнал в 1700-е годы – это носитель журналистского контента или официальный документ государственной власти?; журналы «Всякая всячина» в 1769–1770 годах и «Собеседник любителей русского слова» в 1783–1784 годах – это каналы доставки журналистских, литературных или своего рода PR-материалов?).

¹⁵ История русской журналистики XVIII–XIX веков [Электронный ресурс] / под ред. проф. А.В. Западова. 3-е, испр. изд. М., 1973. URL: <http://evartist.narod.ru/text3/02.htm>.

¹⁶ См.: Луман Н. Реальность массмедиа / пер. с нем. А.Ю. Антоновского. М., 2012. С. 48.

¹⁷ Есин Б.И. История русской журналистики (1703–1917): учеб.-метод. комплект (Учебное пособие; Хрестоматия; Темы курсовых работ). 2-е изд, испр. М., 2001. С. 9.

Истоки синонимизации российскими историками понятий «журналистика» и «периодическая печать» (в редуцированном варианте – «печать», хотя данная категория обозначает любую типографскую продукцию, например книги) нужно искать, скорее всего, в одном из публицистических текстов Николая Алексеевича Полевого (1796–1846), соиздателя и редактора журнала «Московский телеграф». В 1825 году он «впервые употребил на страницах своего издания термин *журналистика*, понимая под этим всю совокупность периодических изданий»¹⁸ (подчеркнуто нами). И такое понимание впоследствии привело к тому, что журналистикой оказались и радио, и телевидение – совокупность всех, как объясняет российский социолог В.П. Терин, «придуманных» в середине 1970-х годов отделом пропаганды и агитации ЦК КПСС «средств массовой информации»¹⁹.

В связи со словарным нововведением Н.А. Полевого важно отметить следующее. Термин «*журналист*» в значении «издатель или сотрудник редакции журнала» еще в 1754 году использовал ученый-энциклопедист, академик и, между прочим, журналист Михаил Васильевич Ломоносов (1711–1765) – в материале с красноречивым заголовком «Рассуждение об обязанностях журналистов...»²⁰. А в конце XVIII века, в 1798 году, в именном указе Павла I «О устроении цензуры при всех портах...» был задействован термин «*газетчик*» – ясно, в каком значении²¹. В отличие от слова из цензурного документа Павловской эпохи ломоносовский «окказионализм» примерно к середине XIX века лишился привязки к конкретному типу периодического издания (да и вообще – к периодической печати), став универсальной категорией, маркирующей человека определенного рода занятий. Однако в 1825 году, прежде чем привязка исчезла, все тот же Н.А. Полевой попытался определить социальную роль «издателя или сотрудника редакции журнала». Он прокламировал:

¹⁸ История русской журналистики XVIII–XIX веков / Л.П. Громова [и др.]. С. 188.

¹⁹ Терин В.П. Иноязычные слова в роли управленческой технологии // Мировая политика: взгляд из будущего: мат-лы V Конвента РАМИ. Т. 3: Постсекулярные общества: перспективы и реальность. Межкультурное взаимодействие и международные отношения / ред-ры тома: А.Б. Зубов, В.М. Сергеев, А.В. Шестопал. М., 2009. С. 58–59.

²⁰ Ломоносов М.В. Dissertation sur les devoirs des journalistes dans l'exposé qu'ils donnent des ouvrages, destinés a maintenir la liberté de philosopher = [Рассуждение об обязанностях журналистов при изложении ими сочинений, предназначенных для поддержания свободы философии] / пер. с фр. под ред. Т.П. Кравца [Электронный ресурс] // Ломоносов М.В. Полн. собр. соч.: в 11 т. Т. 3: Труды по физике и химии 1753–1765 / ред. Т.П. Кравец; подгот. А.А. Елисеев; ред. лат. и пер. Я.М. Боровский; подгот. А.И. Андреев [и др.]. М.; Л., 1952. С. 201–232. URL: <http://feb-web.ru/feb/lomonos/texts/lo0/lo3/lo3-201-.htm>.

²¹ О устроении цензуры при всех портах; о непропуске без позволения оной привозимых книг и о наказании за непредставление цензорам получаемых газет или иных периодических сочинений и за пропуск вредных книг. № 18524. – 17 мая 1798 г. Именной, данный Сенату // Русская журналистика в документах: История надзора / [сост. О.Д. Минаева]; под ред. Б.И. Есина, Я.Н. Засурского. М., 2003. С. 75–76.

«Журналист – разнощик вестей; встречаясь с ним, не спрашивают: что вы знаете? но – нет ли чего-нибудь нового?»²²

А в 1831-м Николай Алексеевич предложил «одно неизменное правило», которое должно быть «постоянным руководителем» того, кто является «разнощиком вестей» в России:

«...идти вперед, к лучшему, возбуждать деятельность в умах и будить их от этой пошлой, растительной бездейственности, которая составляет величайший недостаток большей части русских.

Вот условия, налагаемые современностью на русского журналиста! От исполнения их зависит успех его предприятия»²³.

Следует, впрочем, подчеркнуть, что российские историки разграничивают понятия «журналистика» и «литература», несмотря на то, что даже на рубеже XIX–XX веков журналистика – понимаемая как «вся печать» – зачастую именовалась литературой, или, в терминах тех лет, «ходячей словесностью» (или просто «словесностью»). *«Тенденций гречневая каша, / Патриотизма кислый квас... / Вот, вот она – словесность наша, / Вот журналистика у нас»,* – иронизировал поэт и журналист Лиодор Иванович Пальмин (1841–1891) в стихотворении, называемом, разумеется, «Журналистика»²⁴. При этом к году публикации данного стихотворения (1882) журналистика – как *activity* – уже находилась в статусе профессии, как указывает профессор Л.П. Громова, обособившейся от литературы и приобретшей «собственные черты развития». Тем не менее эту самостоятельную, «связанную с формированием общественного мнения» деятельность исследователь характеризует как общественно-литературную²⁵. Хотя в 1830–1840-е годы журналистская деятельность в России была опосредована помимо печатных журналов и газет оптическим телеграфом, а с середины 1860-х годов – электрическим, не располагавшими к литературным «живописаниям». Заявляя вышеприведенную характеристику, исследователь вряд ли имеет в виду то, что журналистика и к концу XIX века (вопреки влиянию электрического телеграфа) не утратила родства с литературой, структурные определения которой, согласно французскому философу и литературоведу болгарского происхождения Ц. Тодорову, таковы: а) вымысел; б) замкнутый на себе самом язык²⁶.

²² Полевой Н.А. Письмо издателя к NN (в отрывках) // Сборник материалов к изучению истории русской журналистики: в 3 вып. Вып. I (XVIII в. и первая половина XIX в.) / под ред. Б.П. Козьмина. М., 1952. С. 147.

²³ Полевой Н.А. Взгляд на некоторые журналы и газеты русские [Электронный ресурс] // Моск. телеграф. 1831. Ч. 37. № 1. URL: http://dugward.ru/library/polevoy/polevoy_vzglad_na_nekotorye.html.

²⁴ Пальмин Л.И. Журналистика // Поэты-демократы 1870–1880-х годов / вступ. ст. Б.Л. Бессонова; биогр. справки, подгот. текста и примеч. В.Г. Базанова, Б.Л. Бессонова и А.М. Бихтера. Л., 1968. С. 428.

²⁵ История русской журналистики XVIII–XIX веков / Л.П. Громова [и др.]. С. 3.

²⁶ См.: Тодоров Ц. Понятие литературы // Семиотика / пер. с англ., франц. и исп.; сост., вступ. ст. и общ. ред. Ю.С. Степанова; коммент. Ю.С. Степанова и Т.В. Булыгиной. М., 1983. С. 355–369.

Помимо *деятельностного* аспекта становления журналистики в России исследователи стремятся раскрыть и *институциональный*. И здесь некоторые из них указывают, что в социальный институт или *общественную трибуну* (что, с позиции авторов, видимо, одно и то же) журналистика превратилась в середине XIX века, уже существуя «в *форме литературной полемики, критики и публицистики*»²⁷. Вот еще три категории, требующие от нас небольшого комментария.

Да, институционализация журналистики завершается в середине XIX века. Однако у данного процесса, начавшегося в первой половине XVIII столетия, на наш взгляд, два триггера: внутренний и внешний. Внутренним послужила не полемика или литературная критика, а *кооперация* лиц, занимающихся журналистской (условно) деятельностью и сосредоточенных вокруг конкретного канала массовой коммуникации. Поэтому необходимо говорить об институционализации как превращении обычной кооперации в *учреждение*, где кроме общих интереса и идеологии действует иерархия обязанностей. Внешний же триггер – *государственное законодательство*: в его системе появляются специальные (цензурные) документы, в соответствии с которыми регулировалась любая кооперация (условно) журналистов, а позднее – деятельность любого возникшего из нее учреждения. Плюс нельзя забывать о том, что данными документами предусматривалось наделение государственных ведомств и организаций (к примеру, Синода, Сената и Петербургской Академии наук) специальными (цензорскими) функциями, а в дальнейшем и создание специальных (занимавшихся цензурой) ведомств-регуляторов.

Что касается *полемики*, то она – лишь риторическая процедура (форма спора), в которой спорящие стремятся утвердить свою (и только свою) точку зрения по какому-то предмету. В конце 1760-х – начале 1770-х годов журналистика дебютировала в качестве *организатора* (но никак не формы!) данной процедуры. Благодаря первой вторая получила возможность стать *действительно* публичной (латинское *publicus* означает «общественный»). То есть преодолеть свою зависимость как от локуса вроде академической или дворцовой залы, так и от инерционного аппарата книги, который, например, в 1740-е годы обеспечил публику литературной и научной полемике М.В. Ломоносова с Василием Кирилловичем Тредиаковским (1703–1769) и Александром Петровичем Сумароковым (1717–1777) – поэтами, филологами и журналистами. Кроме того, обнаружилось, что в полемике, организуемой издателями-редакторами-корреспондентами – в первую очередь журналов, –

²⁷ См.: История русской журналистики XVIII–XIX веков / Л.П. Громова [и др.]. С. 3.

можно поднимать и социально-политические вопросы, правда, маскируя их под сугубо этикетные и литературные.

С *литературной критикой* (отвечающей за понимание, объяснение и оценку преимущественно современных художественных текстов) и публицистикой (отвечающей за постановку актуальных проблем общественной жизни и их оценку с точки зрения социального идеала автора) дело обстоит несколько сложнее.

Если термин «критика» стал в России элементом публичного дискурса спустя лишь 10–15 лет после кристаллизации явления, им обозначаемого, то термин «публицистика» был «изобретен», когда самому явлению исполнилась не одна сотня лет (российская средневековая модель), а то и не одна тысяча (античная модель). Когда в исследованиях историков речь идет о критике, это речь скорее о литературной критике (шире – художественной, поскольку в 1770 году, например, «вызревает» еще театральная критика), чем о социальной (высказываниях «порицательного свойства об избранном объекте»²⁸). Иными словами – скорее об «окказионализме» упомянутого выше поэта-ученого В.К. Тредиаковского (1750)²⁹, а не *critique* (1739) поэта-дипломата Антиоха Дмитриевича Кантемира (1708–1744)³⁰. В случае с публицистикой исследователи, как правило, замечают, что слова «публицист» и «публицистика» в 1858–1859 годах ввел в оборот журналист и философ Николай Гаврилович Чернышевский (1828–1889)³¹. Затем, в 1860–1861 годах, эти слова – вкупе с самим Чернышевским и его единомышленниками – высмеял литератор Иван Сергеевич Тургенев (1818–1883)³², а в 1862–1864 годах поэт и журналист Аполлон Александрович Григорьев (1822–1864) назвал публицистом – и это положительная оценка! – уже известного нам Н.А. Полевого³³.

С одной стороны, следует дифференцировать литературную (театральную, музыкальную и т.д.) критику и *публицистику* в качестве разновидностей журналистики, рассматриваемой, в свою очередь, как практика и как корпус текстов. С другой же стороны, художественная критика и публицистика

²⁸ История русской литературной критики: учеб. для вузов / В.В. Прозоров [и др.]; под ред. В.В. Прозорова. М., 2002. С. 7.

²⁹ См.: Тредиаковский В.К. Письмо, в котором содержится рассуждение о стихотворении, поныне на свет изданном от автора двух од, двух трагедий и двух эпистол, писанное от приятеля к приятелю // Критика XVIII века / авт.-сост. А.М. Ранчин, В.Л. Коровин. М., 2002. С. 29–30, 104.

³⁰ См.: Кантемир А.Д. Сатира VII. О воспитании. К князю Никите Юрьевичу Трубецкому. Ст. 253 // Кантемир А.Д. Собрание стихотворений / вступ. ст. Ф.Я. Приймы; подгот. текста и примеч. З.И. Гершковича. Л., 1956. С. 163, 171.

³¹ См.: Чернышевский Н.Г. Г. Чичерин как публицист // Чернышевский Н.Г. Сочинения: в 2 т. Т. 1 / ред. изд. и авт. вступ. ст. И.К. Пантин; сост. и примеч. В.И. Приленского. М., 1986. С. 644–673.

³² См.: Щербань Н.В. Из воспоминаний об И.С. Тургеневе (1861–1875) // И.С. Тургенев в воспоминаниях современников: в 2 т. Т. 2 / подгот. текста С.М. Петрова и В.Г. Фридлянд; коммент. В.Г. Фридлянд. Изд. 2-е. М., 1983. С. 35.

³³ См.: Григорьев Ап. Мои литературные и нравственные скитальчества // Григорьев Ап. Воспоминания / изд. подгот. Б.Ф. Егоров. М., 1980. С. 52, 55.

существуют и в качестве внежурналистских практик и институций – грубо говоря, на литературной, «учено-литературной» и академической территориях (кстати, именно в такой ипостаси они и начинали развиваться). Однако какое бы измерение художественной критики и публицистики мы ни избрали для анализа, нужно учитывать, что они всегда взаимодействовали – и в XVIII веке, и в XIX веке. И порожденная ими на деятельностном уровне синергия всегда оборачивалась появлением в системе газетно-журнального контента предметно и методически сложных аналитических текстов.

Оказались ли в России художественная критика и публицистика (а также их старшая родственница – журналистика), подобно литературе, общественными трибунами, с высоты которых, по выражению журналиста, писателя и философа Александра Ивановича Герцена (1812–1870), лишенный «общественной свободы» народ *«заставляет услышать крик своего возмущения и своей совести»*³⁴? На наш взгляд, нет. Поскольку общественная трибуна – это платформа, а не использующий ее актер, получается, что ею послужила: а) неперидическая печать (книги, брошюры, сборники); б) периодическая печать (журналы, альманахи, газеты); в) нелегальная рукописная продукция (письма, записки, прокламации). А если все-таки да? Тогда необходимо развернуть герценовскую метафору и вспомнить о рупоре: без него голос автора, обращенный с трибуны к адресатам, которые находятся в разных географических точках страны, не будет услышан. В случае с литературой – и тем более журналистикой – рупором (усилителем сигнала), опять же, в первую очередь выступила печать – и периодическая, и неперидическая. Но тогда вопреки тезису А.И. Герцена выходит, что дело совсем не в трибуне.

Таким образом, для того чтобы корректно описать, как в России развивалась журналистика, мы будем в понимании последней опираться прежде всего на **системный подход**. Он указывает на то, что журналистика есть *самоорганизующаяся социально-герменевтическая*³⁵ и *дескриптивная*³⁶ система. Актуализируя себя в сферах средств массовой коммуникации, она осуществляет оперативное производство и продуцирование смыслов реальной действительности. Именно в этом контексте мы намерены использовать термин «журналистика». А характеризовать развитие журналистики как системы особых текстов, репрезентирующих смыслы реальной действительности, мы будем с помощью дефиниции «символический продукт средств массовой коммуникации».

³⁴ См.: Герцен А.И. О развитии революционных идей в России // Герцен А.И. Эстетика. Критика. Проблемы культуры / сост., вступ. ст. и коммент. В.К. Кантора. М., 1987. С. 228.

³⁵ См.: Рикёр П. Герменевтика. Этика. Политика: Московские лекции и интервью / пер. с фр. М., 1995. С. 10–18.

³⁶ См.: Бондаренко С.Б. Теория дескриптивных систем. М., 2008. С. 50–51.

Помимо этого мы задействуем **деятельностный и институциональный подходы** к журналистике. **Согласно первому**, она предстает как *социальная технокультурная деятельность по оперативному познанию реальной действительности и ее дискретному моделированию в особых текстах*. Носителями и каналами доставки журналистских текстов адресатам служат средства массовой коммуникации. Данный аспект становления журналистики будет обозначен терминами «журналистская деятельность» и «журналистская практика». **Согласно второму подходу**, журналистика предстает как *социальный институт, основанный на кооперации специфических деятельностных позиций*³⁷. Иными словами, это совокупность редакций – учреждений по созданию, упаковке и распространению текстов, являющихся общедоступными и предназначенных для неопределенных адресатов. Журналистские редакции встроены в предприятия, которыми выступают средства массовой коммуникации. Для того чтобы подчеркнуть данный аспект становления журналистики, мы будем употреблять термин «редакция».

Основная часть учебного пособия разделена на *пять глав*.

В *первой* главе раскрывается проблема так называемой точки отсчета, т.е. начальных координат, в становлении журналистики в России. Акцент сделан на характеристике того, как осуществлялся переход особого вида технокультурной практики, которую можно назвать протожурналистской, от устного формата в X–XI веках к письменному в XV–XVI веках в условиях развития коммуникационных технологий и оформления задействовавших эти технологии ранних институций (периоды Киевской Руси, Удельной Руси и Великого княжества Московского).

Вторая глава посвящена вопросам развития (пара)журналистской практики в письменном формате и ее перехода к печатному формату в период, который мы обозначаем как первую легитимацию журналистики государственной властью. Данный период, продолжавшийся с середины XVI века до 90-х годов XVII века (условно – допетровское Российское царство), заявил базовые для изучаемой нами социальной деятельности коммуникационные платформы и каналы: рукописные листки, условные «донесения» и вполне конкретные «куранты». Две последние технологии «столбцового» типа многие исследователи называют (прото)газетами.

В *третьей* главе рассматриваются особенности второй легитимации журналистики государственной властью – данный процесс охватывает период с конца XVII века до середины 20-х годов XVIII века. Обращено внимание на то,

³⁷ См.: Никитаев В.В. Пресса и журналистика в рамках культуры // Вопр. философии. 1998. № 2. С. 69.

как в условиях преобразования социокультурного пространства России Петром I началась институционализация журналистской практики, притом что последняя наконец получила коммуникационные средства, известные в Западной Европе с 1580–1600-х годов, – различные типы периодической печати, и прежде всего газету.

В *четвертой* главе описывается развитие журналистики в Российской империи в период с конца 1720-х до середины 1760-х годов. Подчеркивается, что ввиду сосредоточения базовых для нее коммуникационных средств – периодических изданий вкупе с аппаратом их распространения (типографским оборудованием) – в таком государственном научно-образовательном учреждении, как Петербургская Академия наук, журналистская практика сузила предметный фокус. Ведущим типом изучаемой нами социальной деятельности стал наукоцентрический тип. И это отразилось на ее продуктах (текстах): они носили элитарный характер, несмотря на то, что циркулировали в первую очередь по каналам, чьи кураторы отличались демократизмом просветительских установок, – через научно-популярные квазижурнал и собственно журнал.

Пятая глава посвящена процессам кристаллизации в России на рубеже 1750–1760-х годов нравоцентрической литературной журналистики, совокупным актором которой впервые выступили частные лица и организации и которая затребовала для себя соответствующую периодико-печатную платформу – литературный журнал. Объясняется, каким образом снятие ограничений с предмета познания и новые подходы к его представлению позволили данному типу журналистской практики нивелировать своего предшественника. Притом что на рубеже 1760–1770-х годов к ресурсам нравоцентрической литературной журналистики обратилась и государственная власть, персонифицированная в Екатерине II. Период, продолжавшийся в целом с конца 50-х до середины 70-х годов XVIII века, мы связываем с процессом третьей легитимации журналистики государственной властью. Кроме того, в данной главе представлен краткий очерк развития (и институционализации) цензурной практики в России от эпохи правления Ивана IV (после «венчания на царство» в 1547 году) до первой трети правления Екатерины II (середина 1770-х годов), на материале конкретных государственных документов описаны происходившие в цензурном режиме изменения.

В настоящем учебном пособии представлены **списки** рекомендуемых для более глубокого освоения материала **научных источников** и **текстов, условно определяемых как журналистские и датируемых XVIII веком.**